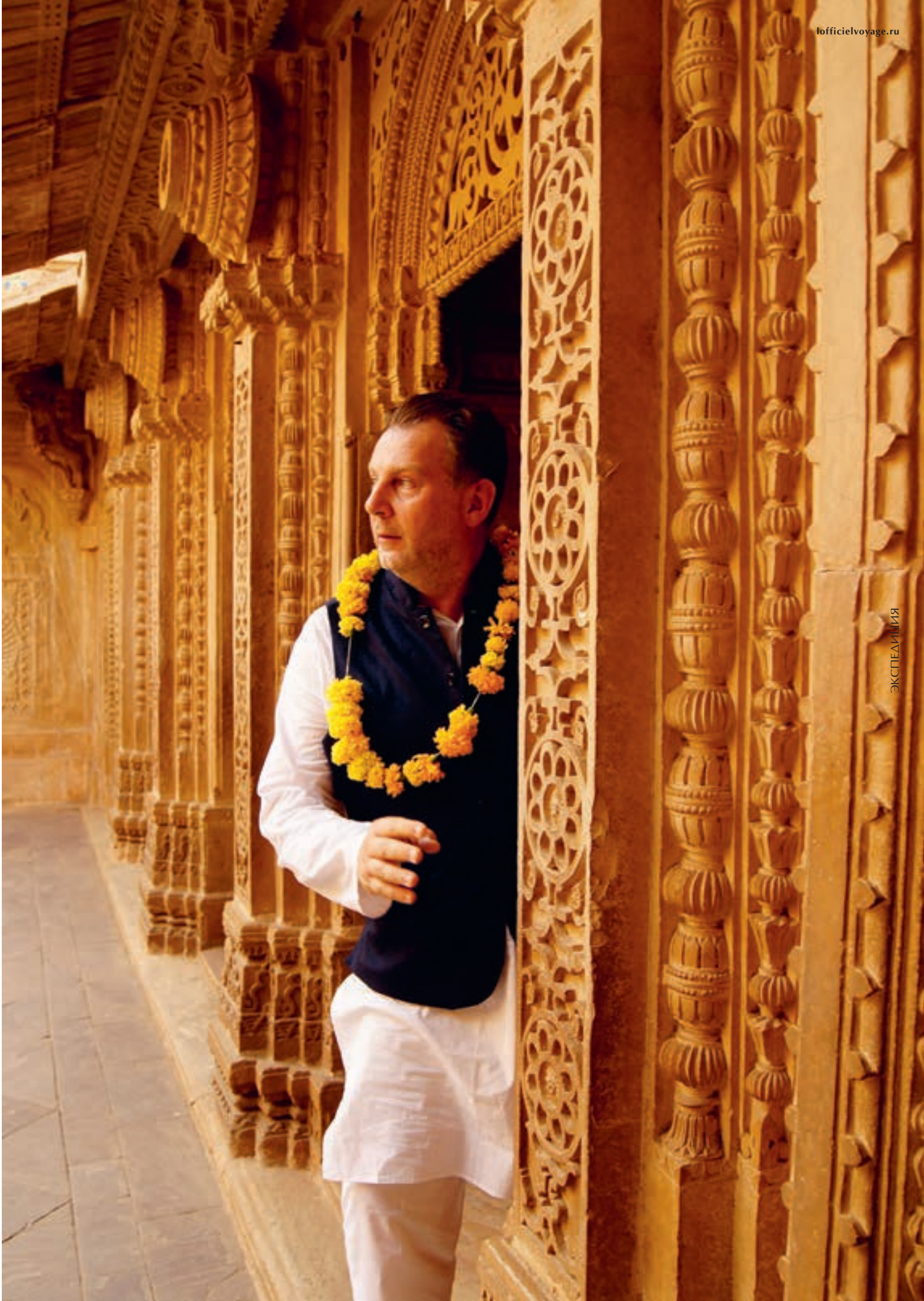

ИНДИЯ ИЗ ОКНА ПОЕЗДА

АЛЕКС ДУБАС ИССЛЕДОВАЛ СТРАНУ НА САМОМ ИЗВЕСТНОМ
ИНДИЙСКОМ ЛЮКС-ПОЕЗДЕ «МАХАРАДЖА-ЭКСПРЕСС».

/ текст и фотографии
Алекс Дубас

Дели. Вокзал «Махараджа-экспресс»

«Махараджа-экспресс». Вагон-бар

Возможно, я стал первым человеком, кто прилетел в Индию со своей диареей. Простите, что вот так сразу об этом, но ведь ничье путешествие в эту страну не обходится без обсуждения деликатных вопросов гигиены и антисанитарии. Мне повезло закрыть эту тему на самом старте. Я прилетел в Индию из Самарканда с бактериями в желудке, так что, увы, мое знакомство с Дели было не таким, как я себе его рисовал, когда планировал путешествие. Я не был похож на других европейцев, высадившихся в столичном аэропорту: все эти спокойные, счастливые люди в легкой одежде веселых расцветок и с тотальным отсутствием болезненной сосредоточенности или претензий к мирозданию в глазах. Взрослые мужчины с косичками и четками, короткостриженные девушки в чем-то похожем на сари. Нет, я сильно отличался от них печалью в глазах. И она усиливалась, как только я вспоминал тот ужасный испорченный айран из самаркандской чайханы. До главной встречи – с поездом «Махараджа-экспресс», цели моей поездки в Индию, у меня оставался целый день. И я отправился гулять по городу. Но состояние у меня было несколько замутненное, словно предвыборная программа кандидатов в президенты, так что впечатления об индийской столице получились смазанными, но, слава богам, остались записи в диктофоне. Вот они.

День первый. Индия для любителя приключений – лига чемпионов. Кубок кубков.
Дели Ты можешь побывать в 60 странах, но, если ты не был в Индии, пусть даже на побережье Гоа, тебя нельзя назвать полноценным путешественником.

Первое впечатление: кажется, что здесь есть все то, чего мне так не хватало на Шри-Ланке: колорит, краски, запахи и – главное – улыбки.

Эта страна очень понравилась бы российским десантникам. Здесь разрешено купаться в городских фонтанах, чем с удовольствием пользуются мальчишки и мужчины. А задумчивые старики мирно сплевывают в фонтан, почистив зубы аюрведической пастой «Дабур».

Усатые индийские физкультурники в парке занимаются послеобеденной гимнастикой. Обнаженные торсы, форменные штаны. Они делают наклоны вправо и влево под руководством самого усатого. Тут же кто-то бреется. Кто-то просто спит на тротуаре. Мимо снуют велорикши. В городе перманентная пробка. Трансвеститы стучат пальцем в лобовое стекло и просят несколько рупий у водителей. Шум, суета, какофония клаксонов. Кто-то выгуливает на тележке свой телевизор. Кто-то совершает намаз прямо у школы. На голове мальчика огромный тюк с пустыми пластиковыми бутылками.

Я с удовольствием ем сливочное мороженое и замороженно наблюдаю за этим Вавилоном. Краем глаза вижу, как корова облизывает огромный лишай на боку собаки. И вот я уже больше не ем индийское мороженое. Как и самаркандский айран, этот продукт для меня теперь в черном списке.

Я ошеломлен Индией. Я обещал себе ничего не ждать от нее, чтобы не разочароваться. И вот – вознаграждение. Первые впечатления превосходят все то, что я мог или не мог себе представить.

Сумерки. Встреча с поездом. Наконец-то.

«Махараджа-экспресс» – самый роскошный из пяти «лакшери-поездов», совершающих круизы по индийским железным дорогам. Для него в Дели выделен отдельный вокзал. Нас встречает оркестр. Девушки осыпают лепестками роз, надевают на меня ожерелье из цветов и вручают стакан дынного сорбета.

Носильщики, батлеры, официанты, секьюрити, доктор, шеф-повар, гиды и еще много полезных людей знакомятся с пассажирами на перроне и представляют их поезду. Вот он. Винного цвета, красавец с собственным гербом, на котором изображены львы. Вот два вагона-ресторана. Клубный вагон с баром, телевизором и панорамными окнами. Еще один бар-вагон со столиками для настольных игр, диванами и библиотекой.

Вагон-кухня. Часть вагонов разделена на четыре купе. В каждом – душевая комната, напичканная знаменитой косметикой, письменный стол, кровати, гардеробная. 800 долларов в день за человека.

Другие вагоны, разделенные на три купе. Здесь все то же самое, только места чуть больше. Как раз чтобы уместилась еще тахта. 1000 долларов.

Есть и вагоны, разделенные на два купе. В них уже появляется мраморная ванная и дополнительная спальня. 1400.

И наконец, два президентских вагона. Просто вагона. В одном поселилась симпатичная пара врачей из Техаса. Во втором – богатый индус, страдающий косоглазием,

с очень активной женой в роскошном сари и нескольких килограммах золота. Жена сразу же прошла в вагон-кухню и лично проверила его санитарное состояние, чтобы, не дай бог, муж не съел что-то не то. 1800 долларов в сутки с человека.

Почему я выбрал для знакомства с Индией такой роскошный способ? Читая «Шантарам», я только к 300-й странице понял, что действие книги происходит в наше время, когда вдруг в тексте прочел, что полицейские переговаривались по рации. До этого я почему-то был уверен, что события развиваются сто лет назад. А поскольку в Индию я хотел очень давно, то решил для начала побывать в ней в более-менее привычных условиях. С адаптированной пищей, душем и дистиллированной водой. А потом понемногу снижать градус. Потому что, кажется, наши отношения – надолго. Ну и плюс к тому, конечно же, сыграл свою роль фильм Уэса Андерсона «Поезд на Дарджилинг».

День второй. Индия – самая опасная страна в мире. Я серьезно говорю: у них есть атомная бомба, и они верят в реинкарнацию. Первое успешное испытание ядерного оружия индийцы провели в 1974 году. Операция получила кодовое имя «Улыбающийся Будда». Шах и мат, господа буддисты. Еще Марк Твен говорил про индусов: «Занятный народ. Кажется, для них священна жизнь любого существа, кроме человека». Я убеждаюсь в этом в очередной раз в месте первой остановки нашего железнодорожного круиза, городе Джайпуре. Здесь у всего красивые названия: Янтарный форт, Водный дворец, да и сам город называют Розовым...

Янтарный форт – грандиозное сооружение, не имеющее лестниц. Они здесь просто не были нужны. Ведь те, для кого он создавался, не утруждали себя пешими подъемами. Зачем, ведь есть же носильщики? И эти вельможи тут же утверждали указы о телесном наказании тех сограждан, кто обидит корову, стрекозу или священную обезьяну из армии бога Ханумана.

Розовый город Джайпур. Как Ереван, Барби и фламинго. Только если в Ереване строители используют розовый туф, то здесь – терракоту, подкрашенную охрой. Наш проводник утверждает, что «розовый – символ восходящего солнца», поэтому для индусов было важно, чтобы стены были именно такого цвета. Вопрос «А разве розовый – не символ и заката тоже?» ставит его в тупик. Надо сказать, что гиды здесь довольно часто используют выученные когда-то красивые клише: «Сорт ассам – это шампанское среди чаев». А вот имя у проводника красивое: Шешвард. Его можно перевести на русский как «Бесконечный». Но это так себе перевод, потому что «бесконечный» означает, что есть начало, но нет конца. А «шешвард» – это когда нет и начала тоже.

Бесконечность-без-начала-и-конца предлагает нашей группе достать джойнт – «Джайпурская травка – шампанское среди марихуаны» – и очень расстраивается, когда большинство из нас отказывается. Однако его идея вызывает интерес у медиков из Техаса. Шешвард наспех нам показывает дворец на озере, где снимали фильм про Джеймса Бонда «Осьминожка», и куда-то исчезает. Если я не ошибаюсь, тогдашний Бонд – Роджер Мур – добирался до этой красоты вплавь. Что делает его еще более героическим в моих глазах, которые фиксируют тонны мусора, покачивающегося на водах озера.

На закате Джайпур восхитителен. Мы любим его и возвращаемся на поезд. На ужин сегодня пенджабская кухня и музыкант, играющий на ситаре. За партией в трик-трак обсуждаем с попутчиками впечатления сегодняшнего дня. Местные напитки включены в стоимость путешествия. Чудовищный ром «Черный монах». И очень даже недурные индийские вина совиньон-блан и мерло. Попутчики оказываются не престарелыми миллиардерами, как я опасался, а вполне себе веселыми ребятами. В основном это пары из разных частей света.

День третий. Сегодня день знакомства с фауной. Нас выгрузили на рассвете из поезда, посадили в джипы без крыши и повезли на сафари в национальный парк «Рантхамбор» и Фатехпур-Сикри. В Москве в это время тоже рано – полпятого утра. Кстати, пара слов об этой странной разнице во времени

Джайпур – розовый город

Джайпур. Оркестр и погонщики слонов

Тадж-Махал

Национальный парк «Рантхамбор»

в 30 минут, которая наблюдается в Индии и Бирме. Официальная версия такова: это было придумано английскими джентльменами во времена, когда часы-луковицы носили на цепочке в жилетном кармане. Вот достает такой сэр часы в Лондоне. Смотрит на циферблат – 12:15. Спрашивает себя: «А сколько же сейчас на моих чайных плантациях в Мадрасе?» Переворачивает часы на 180 градусов, а там 18:45. А что? Удобно. Правда, эта теория вызывает у меня сомнения: зачем джентльмену в метрополии такое знание? Ведь он не мог ни позвонить в Индию среди ночи, ни отправить туда управляющему громкое и тревожное сообщение по WhatsApp, поскольку ни телефоны, ни смартфоны еще не изобрели.

Ну ладно. Тем временем я проживаю одно из самых счастливых утр в жизни. Джип потрясывает, я дремлю. Лес в дымке. И сквозь дрему и молоко тумана я вижу прекрасных оленей, чьи замшевые и замшелые рога освещают первые солнечные лучи. Мимо сменяются картинки: крадущийся леопард, самодостаточный кабан, молчаливый митинг антилоп (все как одна похожи на Одри Хепберн), два друга-мангуста, редкой породы мул – с голубым отливом кожи. И вездесущие бурундуки и зеленые попугаи. Но это не редкость. Последнюю парочку можно встретить в любом городском саду. И главный аттракцион заповедника – огромное дерево баньян, удивительное, прежде всего, тем, что корни оно пускает не только из ствола, но и из веток по воздуху к земле. Этот экземпляр – действительно особенный. В его кроне из ветвей и корней уместился бы весь калужский фан-клуб рэпера Оксимирона в полном составе. После обеда мы отправляемся на моторикшах в объект, охраняемый ЮНЕСКО, – древний город Фатехпур-Сикри. Проезжаем через город Агру, что само по себе приключение. Вот мужчина продает ржавые гайки разных размеров. Вот полицейский читает газету «Агра-таймс», яростно жуя бетель. Он настолько увлекся, что не замечает, как пускает красные слюны по негладковыбритому подбородку. Вот нас подрезает однорукий атлет в набедренной повязке. Вот вяло выясняют отношения собака и обезьяна. Везде плакаты с еще одним Бондом – Пирсом Броснаном. У него лихо завиты усы, и он – видно, с удовольствием – рекламирует индийское пиво. По встрече идет слон с немногочисленной по местным меркам (мама, папа и три сына) семьей на борту.

После небольшой экскурсии пассажирам поезда устраивают роскошный прием во дворце махараджи. Столы ломятся от яств. Факиры показывают фокусы. Танцоры в движении почему-то пристально смотрят тебе в глаза, а я на стене замечаю огромный портрет Семена Слепакова. Семен в странной шапочке с пером, а в руке у него сабля. На кофе и чай нас пригласили в роскошный сад махараджи, последовала встреча с павлинами и представление слонов. Один из аттракционов меня жутко расстроил. Гостям выдали ведерки с люминесцентными красками и предложили порисовать на слонах. Или хотя бы оставить автограф. Как минимум половина путешественников с радостью приняли эту опцию. Вот женщина из Лондона пишет на боку исполина свое имя – Mary – и пририсовывает сердечко. Вот русская туристка проявляет остроумие (как ей кажется) и малюет на слоне формулу $E = mc^2$ (квадрат). Мне стыдно за людей. Стыдно смотреть в глаза гиганту. Но я ничего не могу поделать. Прости нас, слон. Прости, что не могу помочь тебе. Грустное окончание дня.

День четвертый. Если у вас есть всего лишь один день на Индию, то его нужно провести именно здесь. Тадж-Махал действительно чудо света. Безусловное.

Тадж-Махал Гиды перечисляют имена правителей мира, сидевших на этой марморной лавочке с видом: принцесса Диана, Владимир Путин с женой, Билл Клинтон с дочерью. Здесь, если помните, работал герой фильма «Миллионер из трущоб», продавая с друзьями сувениры туристам. И вот такие же вездесущие мальчишки и по сей день снуют вокруг. Я вглядываюсь в их прекрасные лица и каждому персонально мысленно желаю выбраться из нищеты. Каждый шестой житель планеты Земля – индиец. Нам становится все больше и больше. Нам предстоит научиться жить в тесноте. И вот в этой стране, кажется, уже научились сосуществовать и любить, не мешая друг другу.

По соседству с мусульманским Тадж-Махалом – совершенно неприметный индуистский храм, посвященный многорукой богине Кали. Я отделяюсь от своей группы и навещаю ее. У меня с собой книга «Индийские дневники» поэта Аллена Гинзберга. Я встаю перед скульптурой богини и читаю ей вслух: «Черепки висят на шее у Кали:

вон Джо Вашингтон закатил свои очи и рыбой язык его свис; а вот, вверх тормашками, Ленин; вон череп Эйнштейна, седыми клоками оброс. У Гитлера щетка усов подросла и моржово поникла с губы; Сталин в оскале; у Муссолини сломана челюсть; Черчилля лик прозрачен; Мао Цзэдун с Чан Кайши внизу на цепи, как два шара, трясутся в космическом танце богини».

Здесь, в Индии, действительно как-то сразу и без внутренних рефлексий и споров с собой принимаешь то, что все – преходяще. Империи рухнут, и ветер превратит их монументы побед и мавзолеи тщеславия в песок. Имена вельмож и даже поэтов рано или поздно уйдут в небытие. Лишь боги продолжают играть в свои вечные игры. Индуистские боги похожи на персонажей студии Уолта Диснея. Великий и грозный Шива. Кришна с синей кожей. Симпатичная Лакшми. Всеобщий любимец Ганеша, слоненок, путешествующий на мыши. Антропоморфный Хануман, обезьяний бог. И мой нынешний любимец – Сурья Дева. Его изображают как усатое улыбающееся солнце. И он чем-то похож на Фредди Меркьюри в хорошем расположении духа. На ужин повар приготовил блюда кашмирской кухни. Откровенно говоря, я вообще не нашел отличий от вчерашней – пенджабской. Все тот же рис на серебряном подносе и миски с жижей разной степени остроты. Я, насмотревшись на коров и свиней, что-то подбывающих на помойках, на слепых рыб из Ганга, с наростами вместо чешуи, что плавали в аквариуме на рынке Агры, предпочитаю сегодня бобы. В Индии довольно скоро становишься вегетарианцем.

День пятый. Каждое утро по возвращении в купе после завтрака меня ждет распечатка новостей из Латвии. Администрация «Махараджа-экспресса», желая во всем угодить своим гостям, проявляет таким образом заботу, хотя вайфай есть в каждом вагоне. Оpozнав мой латвийский паспорт, менеджер загуглил, видимо, слова «news latvian language», и теперь батлер кладет мне на кровать лист формата А3 с одним и тем же содержанием: фрагментом статьи о Риге из «Википедии», портретом премьер-министра (наконец-то я узнал его имя и как он выглядит) и что-то про НАТО. Очень милая забота представителей страны, где живет миллиард и триста миллионов человек, о стране, чье население не превышает количество жителей местного поселка городского типа.

Сегодня мы десантируемся в храмовом комплексе Кхаджурахо. Именно его эротические барельефы показывают во всех туристических программах об Индии, обязательно сопровождая комментарием, что «Камасутра – это не просто книга иллюстраций сексуальных поз, но и важное пособие по семейному укладу». На самом деле, как и все, что касается религии, эти занимающиеся любовью фигурки были созданы для возвращения в лоно веры заблудших душ. В тот период мусульманизация Индии остановилась, в моду опять нужно было вводить индуизм. И эти барельефы, если хотите, можно назвать и пиаром, и политтехнологиями: «Вернитесь в храмы, ребята. Наша вера – про вас. Про обычных людей. У нас весело. У нас – нормально». Надо сказать, что любовные сцены украшают только фасады храмов, внутри же нет места людям, там – исключительно боги.

На ужин – чудеса калькуттской кухни. Копаюсь в мисках с ними серебряной ложкой и тщетно пытаюсь найти хоть одно отличие от пенджабской и кашмирской.

День шестой. Будда пришел в Варанаси за 500 лет до нашей эры. Когда он сюда зашел, этот город уже назывался древним. Путеводитель говорит, что Варанаси построил Шива, и это, честно говоря, мало впечатляет.

Некоторые впервые услышали это имя только здесь. Но как-то сразу доверяешь Марку Твену, впечатлившемуся этим городом: «Бенарес (старое название) старше истории, старше традиции, старше даже легенд и выглядит вдвое старше их всех, вместе взятых». Я чувствую это моментально, ступив на мостовую.

Мы идем мимо брадобреев и скульпторов, я зачем-то покупаю для папы статуэтку Индиры Ганди. Мимо спящих коров и галдящих сикхов. Мимо мечетей и калек. Мимо голых гуру, покрывших свое тело серым пеплом, и рикш. Идем вместе с косоглазым индусом по имени Раджив, оказавшимся славным парнем, болливудским кинопродюсером и уроженцем этих мест. Он хочет показать нам «свой» Варанаси. По дороге

Кхаджурахо

заходим в хоспис. Я узнаю об этом, когда мы уже стоим посредине храмового двора и смотрим на сидящих и лежащих, но в любом случае молчаливых старух.

– Варанаси – это город, где мечтает умереть каждый индус. Для индуиста это такая же святыня, как Ватикан для католиков, Мекка для мусульман и Иерусалим для иудеев. Считается, что если ты умрешь в Варанаси, то моментально выйдешь из бесконечных кругов перерождения.

Мы вновь петляем по улицам по пути к главной цели – набережной Ганги. Меня останавливает за рукав человек с круглой плетеной корзинкой и что-то предлагает на, как потом выяснилось, тамильском языке. Раджив отгоняет его и объясняет, что в корзине – кобра. Мне предлагали за 1000 рупий засунуть туда руку, позволить себя укусить и радостно ждать выхода из нынешнего воплощения. Я оглянулся и с содроганием обнаружил в радиусе ста метров как минимум еще четверых человек с такими же плетеными корзинами.

Мы выходим на берег к гагу (часть набережной), где кремируют людей. Костры горят. Люди празднично одеты. Отчего-то много телекамер и фотографов, которые начинают щелкать затворами при выносе тела, завернутого в белую простыню. Раджив поясняет, что сегодня мы присутствуем на светском событии, потому что провожают знаменитую певицу Гирижу Деви, всеобщую любимицу, которая выступала еще с самим Рави Шанкарком. Что бритый человек в шафранового цвета сари и с факелом – традиционно ее ближайший родственник: муж, или сын, или внук. Сладковатый дым костра смешивается с запахом бесчисленных благоволий и коровьего навоза. Мы арендуем лодку и отплываем от набережной на несколько метров, чтобы посмотреть на Варанаси со стороны. Тут же в Ганге купаются мальчишки. На берегу стоят меланхоличные коровы. Собаки грызутся за что-то подобранное в воде. У воды собирается все больше и больше людей.

Раздается звук, похожий на... будто шмякнуло что-то мокрое. Раджив поясняет, что это лопнула черепная коробка Гирижи Деви, и значит, ее душа отделилась от тела. Провожаящие ее в последний путь теперь могут расходиться. А то, что от нее осталось, еще немного потлеет, а потом это отпустят плавать в священные воды Ганги. С Радживом сложно общаться, поскольку косым глазом он смотрит куда-то за твое плечо и спокойно проговаривает туда такие странные и страшные обычаи. Я несколько раз оборачивался – кто стоит у меня за спиной?

Стемнело. Зажглись тысячи свеч-лодочек, что люди отправляют вместе с загаданными желаниями по течению. Теперь купаются уже тысячи. Женщины в разноцветных сари, мужчины, прочищающие водой носоглотки. Звук барабанов усиливается, атмосфера становится все более гнетущей, сейчас начнется что-то важное и значимое. «Сейчас начнется ежевечерняя церемония Ганга-арти, люди будут желать священной реке спокойной ночи и провожать ее ко сну», – объясняет гид. На четыре мраморных постамента поднялись четыре жреца. Каждому монахи подали по огромной морской раковине. Жрецы синхронно приложили домик для моллюсков к губам, и над закатом, и над рекой, и над десятками тысяч голов – лысых, со свалывшимися в ком волосами и аккуратными прическами, голов, укрытых платками и тюрбанами, – пронесся пронзительный, глубокий звук. Мурашки пошли по телу, а барабаны взяли мощный ритм.

Не знаю. По-моему, таким образом скорее можно разбудить вулкан, а не усыпить реку. Был ли в моей жизни более странный вечер? Вряд ли.

В поезде на ужин подавали яблочно-куриный суп. Я отказался. В душе перед сном использовал три баночки шампуня.

Спокойной ночи, Ганга!

День седьмой. Братство кольца начинает распадаться. Раджив со своей женой-в-золоте покинул поезд и остался в священном городе. Теперь я дружу с замечательным британским трио: 80-летним дедушкой Стивом – собирательный образ всех добрых магов из «Властелина колец» и «Гарри Поттера», который взял в путешествие двух своих внуков в качестве поощрительного подарка. Им, соответственно, 23 и 24 года, они совершенно разные и похожи только в одном: парни великолепно владеют мастерством спик-изи – этим умением англичан моментально шутить по любому поводу. В том есть определенная польза, потому что после Варанаси никому не помешает доля здорового юмора.

Варанаси

Шутки юных джентльменов выглядят примерно так: «Увы, она бедна по самую красную точку, нарисованную между глаз». Или: «Зато по части богов все остальные страны нищие по сравнению с Индией. В этом плане Индия – миллионер».

Мы вместе смеемся над шеф-поваром, который каждый раз подходит к нашим столикам, карикатурно вращает глазами и спрашивает: вкусно ли нам? Делает он это настолько артистично, что мы уже заподозрили, будто это не настоящий шеф поезда, а нанятый актер.

Свой последний день поездки население «Махараджа-экспресса» проводит в городе, чье название звучит так, как будто кто-то прокашливается: Лакхнау – в честь брата бога Рамы.

Но это было давно. Сейчас Лакхнау – центр мусульманской культуры Индии, причем шиитской. Поэтому здесь не то чтобы весело, но зато есть в наличии легендарные кебабы. Да что там: лучшие кебабы в мире! Их придумал придворный повар для набоба, потерявшего все зубы, но сохранившего любовь к ягнятине. В этих кебабах – сто пять ингредиентов, и они в прямом смысле, то есть буквально, тают во рту. И конечно, сумасшедший фирменный плов в тандыре по-лакхнауски. Вы легко найдете этот ресторанчик Tunday Kababi. Он расположился на главной площади центрального рынка. Знаете, если вы окажетесь в Индии на два дня, то вот идеальный план: Тадж-Махал + кебабы Лакхнау.

Путеводители рассказывают, что стоит познать тут кроме котлет: и уникальные ворота, и Бара Имамбару – знаменитое сооружение, такой местный Тадж-Махал, и медресе...

Но меня больше пленили пингвины-урны.

Отныне, когда в очередной раз вокруг меня заговорят об освоении городского бюджета в Москве, я буду вспоминать пингвинов из этого города. Ростом с 10-летнего подростка, раскрывшие клювы, заплывшие красной от бетеля слюной, эти пингвины стоят здесь повсюду в огромных количествах. Парочками. По трое-четверо. Вот группа из семи пингвинов выстроилась у старых пушек английского форта. Не всех из них используют по назначению, то есть бросают в них мусор. Некоторые

Лакхнау

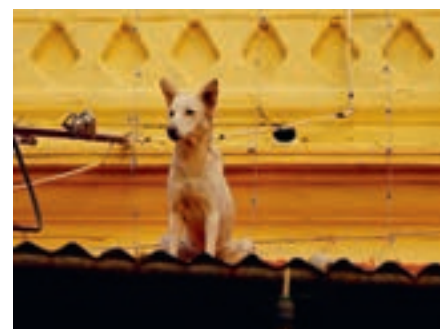
Гвалиор

пингвины находятся в труднодоступных для человека местах: на крыше административных зданий например. В какой-то момент я не удержался и начал их фотографировать. Ведь это так странно – посредине жаркой Индии встретить антарктических нелетающих птиц, причем в промышленном количестве.

После этого нас не впечатлила даже внушительная коллекция люстр из разных стран мира, которую собрал один местный промышленник и в конце жизни завещал развесить в Бара Имамбаре. Самые разные люстры: хрустальные и медные, из малахита и пластмассы, олова и теста... Что они делают в религиозном сооружении? Почему они здесь?

В задумчивости мы с английскими внуками скормили пингвинам бахилы, которые нам предусмотрительно выдали администраторы «Махараджа-экспресса» для посещения мечети, и задумчиво пошли к поезду на прощальный ужин... По дороге юноши сетовали: куда же делись два столетия британского владычества в Индии? Где это все? Где сооружения Викторианской эпохи? Где удобные европейские костюмы? Где традиции? Индия перемолола и это...

В купе на кроватях нас ждали подарки: дамам – роскошные сари, мужчинам – костюмы махараджей. Мы с удовольствием переоделись. В последний вечер никто себя не сдерживал у бара. И уже через четыре часа я смог посмотреть на себя со стороны и немало удивиться: я в костюме индийского вельможи отплясываю в ночи с техасской докторшей в оранжевом сари под песню «Ай эм диско-дэнсер» в вагоне поезда, стремительно разрезающего масло индийской ночи. Поезда как слоны – перекликаются друг с другом длинными гудками...

День последний. Это случилось ночью. Моя кровать располагается в купе возле панорамного окна. Я дремал, когда наш поезд остановился на городском вокзале в 300 километрах от столицы. Я проснулся, приподнял жалюзи и увидел перрон, который сейчас превратился в ночлежку. В полуметре от меня лежит мужчина и равнодушно смотрит в небо. Из ширинки у него выходит пластиковая трубка, присоединенная к лежащей рядом на бетонном полу грелке. Видимо, врачи установили индийскому джентльмену катетер. Семья тамиллов, развернувшая ужин прямо у ног этого мужчины.

Вот кто-то спит, подложив себе под голову сандалии... Это – не нищие люди. Поезд в Нью-Дели отправляется в четыре утра, и где еще скоротать это время?

Стекло поезда, эти несколько прозрачных миллиметров, отделяет твой временный мир роскоши, белых простыней и кофейника, что батлер заботливо приносит за две минуты до твоего пробуждения, от мира людей на перроне... Какой из этих миров – реальный? Какой – настоящий? Как они могут сосуществовать? Эти вопросы переходят в более философские: что лично я сделал для того, чтобы мир был более совершенен? Как я могу помочь его равновесию? А вообще, кто я такой, чтобы навязывать свои представления о комфорте и счастье другим людям?

В этот миг я понял одно: я когда-нибудь вернусь сюда. Возможно, еще в этой жизни. Не отдыхать на Гоа. Не просветляться в ашраме, слушая истины чужого мудреца. Я приеду с социальной миссией. Какой? Пока не знаю. Ее концепция только зарождается, только формулируется где-то в недрах Копилки Идей Вселенной. И это произойдет, рано или поздно, и это так же наверняка, как то, что Шива, разрушив наши дворцы, домики, планы и отношения – до основания, затем обязательно поможет выстроить новые. Не хуже и не лучше. Просто другие.

И в заключение – самое последнее впечатление от Дели. Но прежде напомним, что Льва Толстого очень любил и ценил Махатма Ганди. Идеи нашего писателя о непротавлении злу насилем вдохновили Ганди на бескровную революцию против владычества британских колонизаторов.

По дороге в аэропорт я проезжаю как раз по улице Льва Толстого, мимо памятника Льву Толстому. Это довольно большой монумент, может быть, чуть меньше размером, чем памятник Маяковскому на одноименной площади. Только выглядит он совершенно иначе. Опутанный бесконечными проводами, ступенчатый рекламными вывесками, в косоворотке и сапогах, Лев Николаевич как бы вглядывается в нескончаемый смог Нью-Дели и вопрошает: далеко ли до Ясной Поляны с ее наливными яблоками? Первый раз в жизни мне захотелось спасти и эвакуировать памятник.